

Е. В. Гаврилин

Первая площадка

Полигонные зарисовки

Евгений Васильевич Гаврилин

Первая площадка (полигонные зарисовки)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7064432

*Первая площадка (полигонные зарисовки) / Гаврилин Е.В.: Техносфера; Москва; 2013
ISBN 978-5-94836-354-7*

Аннотация

В книге делается попытка осветить начальный период становления полигона противоракетной обороны в Казахстане, на берегу озера Балхаш, и проведения испытательных работ на нем. В основу положены материалы и события, происходившие на Первой площадке, входившей в состав экспериментальной системы ПРО – системы «А». Автор был непосредственным участником и руководителем испытательных работ в 60-х годах прошлого столетия, проводившихся на Первой площадке, и на профессиональном уровне рассказывает об этом важном этапе зарождения отечественной ПРО.

Книга представляет интерес для слушателей военно-учебных заведений, молодых испытателей, посвятивших себя отработке и вводу в строй новых систем и средств РКО, а также читателей, интересующихся историей становления вооружения противоракетной обороны в нашей стране.

Содержание

Истоки	5
В академии	9
Армейские университеты	13
Начало	20
Первые шаги	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Евгений Васильевич Гаврилин

Первая площадка (полигонные зарисовки)

*Испытателям Балхашского полигона ПРО и их женам
посвящается*

Несколько раз в своих заметках я пытался обратиться к полигонному периоду моей службы и... откладывал эту работу на потом. Уж очень серьезен и значителен этот период, да и не только в моей жизни. Это время – принципиально важное для нашего государства, для его безопасности и весомости в мировой политике. Действительно, проблемы, решавшиеся в начале шестидесятих годов на Балхашском полигоне, имели историческое значение и позволили существенным образом повлиять на обеспечение стратегической стабильности на Земле.

Мне довелось, что считаю крупным везением, участвовать в большой серии испытаний первой отечественной полигонной системы противоракетной обороны – системы «А». Беспрецедентные по сложности задачи поражения головных частей баллистических ракет, обнаружения и сопровождения искусственных спутников Земли пришлось решать полигону в начале шестидесятих годов. В эти годы была заложена и отработана методология испытания суперсложных систем, работающих в автоматическом режиме реального времени. Была создана великая школа инженеров-испытателей, позволившая в будущем апробировать все новые поколения систем противоракетной обороны, точнее – ракетно-космической обороны.

Довольно трудно браться за глубокие исследования всех взаимообусловленных процессов, происходивших в то время в стране в целом и на Балхашском полигоне в частности. Но после долгих колебаний я решил попытаться сделать зарисовки, которые в какой-то, может быть, небольшой, степени проиллюстрируют отдельные стороны жизни и работы специалистов полигона, практически начиная с истоков их уникальной деятельности. При этом весьма существенно для меня было желание поразмышлять, обдумать, проанализировать не только пережитое, но и тот огромный путь, который был пройден ракетно-космической обороной. Материала для этого накопилось очень много. Думается, что умение анализировать, размышлять жизненно необходимо, так давайте размышлять сами и вовлекать в этот процесс друзей и знакомых – польза от этого будет великая! Не сомневайтесь!

Передо мной стояла задача показать колоссальный труд, вложенный всеми специалистами полигона при зарождении первых систем противоракетной (а впоследствии – ракетно-космической) обороны. Именно это я считал главным. В работе на полигоне принимали участие многие тысячи специалистов. Назвать всех просто нереально. Персоналии в данном контексте помогают только иллюстрировать созидательную суть процессов, происходивших на Балхашском полигоне ПРО.

Истоки

Определение истоков творческого пути, приведших тебя в какую-то точку жизненного пространства, является принципиально важным для каждого человека. Также важно понять, каким образом ты стал обладателем профессионального и жизненного потенциала, позволившего решать задачи подчас уникальной сложности. Мне думается, что исходной точкой формирования специалиста будущего является школа.

Шесть с половиной десятков лет назад я пришел, точнее меня привела мама, в первый класс нашей родной Черкизовской средней школы. И все прошедшие годы я с великой благодарностью вспоминаю время школьной учебы. Забылось огромное число событий, имен и фамилий людей, с которыми приходилось встречаться, работать, «съесть пуды соли», а вот первую свою учительницу Антонину Владимировну Звереву помню и с сыновней благодарностью бережно храню память о ней. Так же как и память о прекрасных педагогах, которые давали нам не только всесторонние знания, а и воспитывали, и развивали лучшие человеческие качества, присущие современным цивилизованным людям.

Черкизовская школа. 1950 год

2-й класс Черкизовской школы. 1946 год

И все это в годы, когда шла Великая война, когда царила в стране страшная послевоенная разруха, тяготили голод и нищета. Не хватало не только продуктов, не хватало дров, чтобы поддерживать тепло в школьных классах, частенько приходилось сидеть на уроках в верхней одежде, а в чернильницах замерзали чернила. Школьная учебная материально-техническая база была крайне скудна. Учителя получали мизерную зарплату, которая позволяла им едва сводить концы с концами.

Сегодня невозможно себе представить, как можно в таких нечеловеческих условиях «сеять доброе, вечное». А вот эти великие, не побоюсь этого слова, труженики Черкизовской средней школы смогли. И не просто смогли, а так добротнo «посеяли», что лично мне хватило на всю жизнь. Уже будучи доктором технических наук, профессором, лауреатом двух премий Государства Российского, я неизменно ощущаю, что фундамент, основа этих достижений заложены в Черкизовской средней школе беззаветно преданными своему делу учителями.

Нет, не зря я так ценю нашу школу. Чтобы быть понятным, приведу всего-навсего один пример. После окончания школы я поступал в военную академию в Харькове. Сдавать пришлось девять экзаменов по всей школьной программе за двенадцать дней, практически каждый день – сдача без предварительной подготовки. Запомнился экзамен по химии, принимала его преподавательница академии. Мне попался билет с очень сложной задачей вывода химической реакции с набором каких-то элементов, сейчас я не помню конкретно каких, но это и не суть важно. Важно другое. Как оказалось, эта задача не могла быть решена в рамках объема школьной программы. Но нас ведь учил великий химик «Степан» (по нашей учени-

ческой «классификации»), в миру – Степан Павлович Квасов, который научил нас решать подобные курьезные головоломки. И я задачу решил, чем привел в изумление академического преподавателя, которая так и сказала: «Как вы догадались, ведь в школьной программе этого нет?» На что я не без гордости ответил, что у меня в школе был потрясающий учитель химии.

Я уже упоминал о скудости материально-технической учебной базы. Наверное, сегодня трудно представить (в том числе и сегодняшним преподавателям нашей школы), как можно с почти пустыми руками демонстрировать какие-то химические реакции, проводить какие-то физические опыты. А оказывается, наши учителя могли, и еще как могли, да так наглядно и убедительно, что остались знания в памяти на всю жизнь!

До сих пор помнятся уроки физики Валентины Арсеньевны Лариной, демонстрации по электризации и скоплению электрических зарядов. Валентина Арсеньевна – очень серьезный преподаватель, прекрасный методист, у нее все было разложено «по полочкам». За время урока это все в обязательном порядке «перекочевывало» в наши тетрадки. Четкость формулировок была просто потрясающая, и позже мы понимали, что физика – наука точная и физические законы не терпят волюнтаризма (что, к сожалению, не всегда понимают люди, берущиеся руководить сложными физическими процессами. При таком руководстве и может сформироваться какой-нибудь очередной Чернобыль).

Часто вспоминается Владимир Николаевич Чараев, человек удивительной судьбы и еще более удивительный учитель математики. Интеллигентнейший, знавший в совершенстве алгебру, геометрию, тригонометрию. И не только знавший, но и умевший научить нас этим предметам, привить к ним уважение и стремление познавать глубже, чем того требовала программа средней школы. А как это пригодились нам после школы, в вузах, в научной и практической работе. Владимир Николаевич был не только прекрасный методист, он был удивительный рассказчик, и уж совершенно нас всех потрясала его удивительная способность мгновенно рисовать на доске мелом идеальные окружности. Поначалу мы не верили, что его окружность близка к окружности, начерченной при помощи циркуля, но многократные наши проверки подтвердили этот неоспоримый факт. Ребята в нашем классе все, как один, обожали Владимира Николаевича, девочки тоже обожали, но побаивались. И это было объяснимо, он был строг и требователен, как нам казалось, но, надо признать, прежде всего – к себе, а уж потом и к ученикам. Всегда при галстуке, в стареньком, выдавшем виды, но всегда идеально выглаженном костюме, он никогда не опаздывал к началу урока. Во всем его облике, в манере обращения, в подаче материала чувствовалось особое воспитание, особая школа, которая сформировала этого человека. Как потом оказалось, он был офицером еще царской армии, причем артиллерийским. А эти офицеры неизменно проходили глубокую математическую подготовку. Мы были убеждены и не раз убеждались в дальнейшем, что с учителем математики нам крупно повезло. И моя служебная, творческая жизнь это подтвердила в полной мере.

И, конечно, я не могу, просто не имею права, не сказать несколько слов о Василии Михеевиче Лобанове – нашем учителе биологии, одно время классном руководителе, а в последствии и директоре школы. Во всех этих ипостасях его профессиональные и человеческие качества раскрывались с разных сторон.

Вот он – преподаватель биологии, показывает нам, как нужно проводить посадку плодовых деревьев и кустарников, как делать прививку разных сортов деревьев. И вот при школе много лет растет и плодоносит большой фруктовый сад, а я у себя, в собственном саду, прививаю плодовые деревья, легко вспомнив через много лет советы учителя биологии и его наставления. Значит, ничего не пропало, значит, этот человек жил и занимал эту должность не зря!

Вот он – классный руководитель нашего 7-го «Б». Нам немного страшновато. Офицер, участник Великой Отечественной войны, потерявший в боях ногу, награжденный боевыми орденами. Ходит на протезе с палочкой. Вид суровый, на самом деле страшновато. И знаете, как растаял между нами лед страха и недоверия? Как-то мы договорились всем классом (или почти всем) поехать в Москву, в Исторический музей. Василию Михеевичу, само собой разумеется, мы ничего не сказали. Решили: все, что после уроков, – это наше дело, и, кроме того, как я уже говорил, мы его слегка опасались. Приходим к электричке, а Василий Михеевич уже там. Что делать, не отменять же мероприятие, тем более что он говорит нам: «Ребята, возьмите и меня в музей. Был там до войны, очень хочется посмотреть, как там теперь!» Поехали все дружно. Знаете, какая это замечательная поездка была?! Василий Михеевич оказался интереснейшим рассказчиком. Он был нашим гидом, да притом обладающим энциклопедическими знаниями. Много шутил, приводил примеры и факты, о которых мы никогда не слышали. Надо сказать честно, эта поездка повернула наше отношение к классному руководителю на сто восемьдесят градусов. Все ребята мгновенно оказались в него влюбленными. Даже девочки перестали опасаться и пугаться при встрече с ним. Он стал нашим кумиром, этот настоящий человек, который всегда мог защитить и прийти на помощь. Вот эта человечность, убежден, запала в нашу душу и, без сомнения, дала ростки, а в будущем – хорошие всходы. По крайней мере, со своей стороны я это могу свидетельствовать с чистой совестью.

И вот он – директор нашей Черкизовской средней школы. Сдержан. Суров и требователен: что поделаешь, должность требует такой стратегии поведения. Нет сомнения, что Василий Михеевич состоялся и как директор школы. И лучшее подтверждение этому – новая трехэтажная, даже сейчас вполне современная школа, строительство которой было осуществлено в бытность его директором.

Заканчивая рассказ о Василии Михеевиче, не могу не упомянуть об одной черте, которая была характерной если не для всех, то для абсолютного большинства учителей нашей школы (да, наверное, и не только нашей). Я говорю о патриотизме наших воспитателей. Это были государственники, которые старались и нам привить чувство глубокой любви к нашей Родине, к родному краю. Мне особенно врезался в память момент, связанный со смертью Сталина. Мы собрались на митинг, на котором с небольшой речью выступил директор школы – Лобанов Василий Михеевич. Мы были потрясены тем, что он рыдал, как младенец, которому было очень больно. Боевой офицер, потерявший на фронте ногу, не раз смотревший смерти в глаза, сотрясаясь в рыданиях и не мог говорить. Я много раз пытался найти объяснение этому порыву столь уважаемого и заслуженного человека. И неизменно прихожу к выводу, что Василий Михеевич, как человек потрясающе одаренный, понимал, а может быть, интуитивно чувствовал, что это был не просто уход человека из жизни. Это было начало конца великой страны, что и подтвердило дальнейшее развитие событий.

7-й «Б» Черкизовской школы. В первом ряду – преподаватели (слева направо): Ларина В.А., Тёпленький С.М., Лобанов В.М., Чараев В.Н., Данилов Н.Л.

В своем рассказе я упомянул только нескольких представителей той, старой школы учителей, у которых мне пришлось учиться в сороковые-пятидесятые годы. Безусловно, блестящих преподавателей той поры было неизмеримо больше. Всех их объединяла любовь к своим ученикам, преданность профессии, делу воспитания молодого поколения. Это были

патриоты и великие граждане своей страны. Низкий поклон им за их беспримерный и нужный труд.

В целом заслуга коллектива Черкизовской средней школы той поры мне видится в преемственности поколений, в том, что этот коллектив мог лучшие черты и принципы воспитывать у нового поколения учителей, приходящих в его ряды. В этой связи мне хотелось бы рассказать о Лидии Алексеевне Зотовой, воспоминания о ней полны большой благодарности. Лидия Алексеевна принадлежала ко второй волне, новому поколению учителей, о котором я говорил выше. Пришла она к нам в восьмой класс классным руководителем после Василия Михеевича. После такого классного руководителя, каким был Василий Михеевич, ей очень трудно было занять достойное место, но она сумела решить эту непростую задачу. Высокообразованная, в высшей степени интеллигентная, к тому же красивая молодая женщина сумела взять в свои руки управление учебным процессом. Во всем ее облике и поведении чувствовалось, что мы стоим на пороге новой эпохи. Об этом, в частности, свидетельствовало умение Лидии Алексеевны красиво и современно одеваться. Короче, она и олицетворяла эту приближающуюся эпоху. Но что характерно. Лидия Алексеевна впитала все лучшее, что было наработано в учебной методологии в нашей школе первым (условно назовем так) поколением преподавателей. И это вселяло надежду на то, что Черкизовская средняя школа будет еще долго не только сохранять, но и наращивать свой учебно-методический потенциал. Как это происходило в дальнейшем, думаю, можно выяснить у конкретных участников последующего учебного процесса. Что касается нашего выпуска, то...

Черкизовская школа. 1956 год

Многие десятки лет проходил довольно часто мимо нового здания Черкизовской средней школы и ни разу в нее не зашел. Почему? Я думаю, из всего выше изложенного, ответ напрашивается сам: боялся разочарования. К концу жизни у человека остается в памяти не так уж много светлых воспоминаний, которые согревают душу. У меня одно из таких самых значимых воспоминаний – родная Черкизовская средняя школа. Смотришь на происходящее вокруг и с содроганием думаешь – а может быть, и в нашей школе уже все не так, как тебе виделось в прошлом? И боишься разочарования. Хорошо бы, чтобы это было ошибкой!

В прошлом году решил сломать сложившийся стереотип. Пришел в школу, договорился с директором и прочитал две тематические лекции ученикам десятого класса – о Чернобыльской катастрофе и к Дню космонавтики. И как же было радостно увидеть, какие прекрасные дети учатся сейчас в моей родной средней школе! Нисколько не хуже, а скорее намного выше по своему развитию, чем были мы. Отлегло от сердца. Страхи были напрасны. Жаль, если «реформаторы» от образования добьются своих разрушительных целей и погубят дух наших традиционных средних образовательных школ. Дух, который создавался в течение многих десятилетий, не одним поколением. Это дух и колоссальный труд учителей заложили базис будущей моей профессиональной подготовки. Вот с этим базисом и отправился я в город Харьков в Артиллерийскую радиотехническую академию имени Маршала Советского Союза Л.А. Говорова.

В академии

Итак, 1954 год, Харьков, Артиллерийская радиотехническая академия имени Л.А. Говорова. Конец юношеству и переход в новую, незнакомую досель среду профессиональных военных. Предстояла пятилетняя учеба в академии и затем длительная служба военного человека. Но это все будет потом.

В академии встретили нас довольно сурово, поселили в солдатской казарме с двухъярусными кроватями, кормили в солдатской столовой, еда, честно говоря, была не очень хороша. Народ собрался абсолютно разношерстный, из всех уголков Советского Союза. Выделялись выправкой и военной формой выпускники суворовских училищ, их было довольно много. Очень быстро выяснилось, что конкурс какой-то сумасшедший – человек двенадцать на одно место. И что интересно: медалистов при этом среди абитуриентов раза в три больше, чем вакантных мест. Становилось ясно, что попасть в это учебное заведение не только проблематично, а попросту невозможно. Первое желание было бросить все и удрать обратно в Москву. Останавливало одно: когда мне оформляли документы в военкомате, подполковник предупредил, что конкурс в Харькове будет большой. «Но ты, – говорит, – не отчаивайся, ничего страшного не случится, даже если не пройдешь по конкурсу, потренируешься хотя бы, время ведь еще будет в другой вуз подать документы». Это было логично. С этими мыслями, спасибо подполковнику, я и бросился в водоворот экзаменационной нервотрепки. Это был действительно самый настоящий водоворот. Предстояло за двенадцать дней сдать девять экзаменов. К экзаменам готовиться времени не было, утром, только открыв глаза, спрашивали: «Что сегодня сдаем?» Быстренько позавтракав, садились в автобус – и на очередной экзамен. По ходу сдачи начался массовый отсев абитуриентов, получивших две и больше «двоек». Первыми отсеялись представители закавказских республик, кстати, все они были медалистами. Становилось ясно, какой уровень подготовки получали ученики средних школ в разных регионах нашей страны.

Закончились последние экзамены, вывесили список прошедших конкурс, своей фамилии в нем я не нашел. Он содержал всего-то два десятка фамилий. Поговорил с ребятами, все мы, ребята из Подмосковья, уже как-то сдружились. Тех, которые ехали со мной на поезде, было человек двадцать пять. Решили, что надо на вокзале узнать, как обстоит дело с поездами и билетами на Москву. Съездили, все разузнали, возвращаемся в свою казарму, а меня уже встречают знакомые ребята и говорят, давай быстрее иди, вывесили дополнительный список, и ты там есть. Смотрю и не верю своим глазам, действительно, моя фамилия есть, а я вроде и не очень-то и рад: уже настроился на возвращение домой, и, честно говоря, вся эта плохо организованная и смешанная гражданско-военная обстановка как-то не впечатляла. Но вспомнилась мама, ее усталое, измученное лицо, вспомнилось ее непреодолимое желание видеть сына офицером, и все сомнения были отброшены. Вот тогда, стоя у доски объявлений перед списком принятых в академию, я понял и душой почувствовал, что обязан жить и поступать так, чтобы было комфортно и радостно от этих поступков моим близким. Стараюсь придерживаться этого принципа всю свою жизнь и не сожалею об этом. А ведь очень часто встречаются люди, которые заботятся исключительно о своих собственных комфорте и интересе, не замечая, что они приносят этим большие страдания окружающим.

Дальше события развивались стремительно. Отобранных абитуриентов построили, сводили в баню, выдали обмундирование, тут же заставили пришить подворотнички (с нашими-то навыками!), погрузили в автобусы и повезли под Чугуев – в лагерь академии. Как оказалось, в течение месяца, до 1 сентября, мы должны были проходить курс молодого бойца.

Этот месяц я запомнил на всю жизнь! Хотя я не был избалован жизнью, но сразу, как говорится, с ходу было трудно, облачившись в военную форму, от подъема в шесть часов утра, до отбоя в десять часов вечера бегать, стрелять, плавать, ползать по-пластунски и т. п. и т. д. При этом стояла жара под тридцать градусов, а лагерь только-только обустроивался. Устные занятия проводились под деревьями, слушатели сидели прямо на земле – классы еще не были оборудованы. Жили в брезентовых палатках, кормили очень плохо, мы изматывались настолько, что в перерыве занятий после команды: «Встать, смирно! Вольно, перерыв пятнадцать минут» – все падали замертво на землю и тут же отключались. Особенно плохо было ходить поздно вечером строем по лесу. Темнота – хоть глаз коли, в строю все идут и ноги не поднимают (умотались за день), а там везде мелкий песок – как пыль. Так вот те, кто поменьше ростом, на левом фланге от этой пыли просто задыхались и всю дорогу орали, чтобы передние поднимали ноги. Но кто к этим мольбам прислушивался?!

Закончились эти муки, и мы, уже загоревшие, подтянутые, в самом конце августа прибыли в Харьков. Разместили нас в общежитии на улице Руставели, в бывшем артиллерийском подготовительном училище. Это было настоящее блаженство: кругом чисто, свободно, можно вдоволь заниматься спортом на своем стадионе. Первого сентября поехали на открытие учебного года в академию. Она размещалась на площади Дзержинского, одной из самых больших площадей в Европе. В новенькой форме мы с удовольствием отдавали честь офицерам, которых там было великое множество. В то время в академию принимали только офицеров. Нам просто повезло: несколько наборов слушателей академии из гражданской молодежи было проведено в порядке исключения.

Наверное, нет особого смысла подробно останавливаться на учебе в Харьковской академии, поскольку эта студенческая процедура достаточно стереотипна и мало чем принципиально отличается от учебы юноши в любом военном высшем учебном заведении. Хотелось бы только подчеркнуть, что подготовка в этой академии отличалась глубокой фундаментальностью, что я лично ощущал всю последующую жизнь, где бы ни приходилось мне служить и работать. Коллектив слушателей нашего курса был превосходен как по подготовке, так и по человеческим качествам. У нас сложились удивительно хорошие, дружеские отношения с Олегом Людоговским, Стасом Фоминым, Женей Артамоновым, Колей Жаровым, Славой Тупицыным, Феликсом Андреевым, Володей Закорюкиным, Федором Евстратовым и многими другими ребятами.

Слева направо: Людоговский О.Д., Артамонов Е.Я., Тупицын В.М., Гаврилин Е.В.

У нас были такие первоклассные преподаватели, как Ширман Я.Д., Шифрин Я.С., Ландкоф С.Н. и многие другие, офицеры – начальники курсов полковники Нестеренко А.П., Акопян Г.А., Озерский Н.П. Я до сих пор с большой благодарностью и искренним уважением вспоминаю профессорско-преподавательский состав нашей академии и годы учебы в ней. В академии сложились целые научные школы, а фундаментальные научные работы многих преподавателей получили признание не только в нашей стране, но и во всем мире. Харьковская академия по праву была одним из самых интеллектуальных военно-учебных заведений в СССР. Этому способствовало бурное развитие вооружения и военной техники противовоздушной обороны, а впоследствии – ракетно-космической обороны. Как известно, эта техника объективно обладала самым высоким уровнем системотехники и автоматизации, в ней внедрялись и апробировались быстродействующие электронно-вычислительные машины, сложнейшие программно-алгоритмические комплексы, работающие в реальном

масштабе времени. Где сейчас эта академия с ее интеллектуальным потенциалом? Риторический вопрос. Там, где почти все, что было создано и наработано многими поколениями ученых, конструкторов, инженерно-технического состава, рабочих и колхозников.

В академии много внимания уделялось физической подготовке, игровым видам спорта. Часто в лесопарковой зоне проводились легкоатлетические кроссы, которые мы страсть как не любили. Вспоминается один веселый сюжет, связанный с таким кроссом. Это было, кажется, на четвертом курсе. Учебные курсы у нас были смешанные (большинство офицеров и человек двадцать курсантов). Наш курс выходит на старт, а лесопарк в Харькове был чудесный, в настоящем лесу проложены ухоженные широкие аллеи. Красивое место. Бежать-то нам не хочется, мы договариваемся с Олегом Людоговским: «Давай со старта что есть мочи рванем, а затем спрячемся в кустах, пока все не пробегут». Сказано – сделано. Рванули мы с Олегом по-спринтерски, как на стометровку. Отбежали метров двести и спрятались в кустах за поворотом. Когда все пробежали, мы вышли из кустов и пошли прогулочным шагом по дистанции кросса. Разговаривая, подходим к финишу, а на нас чуть ли не с кулаками набрасываются товарищи-офицеры. Думаю, побили бы, если бы не лежали обессиленные на траве. Мы сначала никак не могли понять: к нам-то какие претензии? Потом все выяснилось. Оказывается, когда мы унеслись со старта, большинство офицеров, задевшие за живое таким нашим нахальством, бросилось в погоню. Бегут, бегут, а догнать нас не могут, еще нажимают – все никак, нас впереди не видно. Выложились полностью, так и не догнав нас. Пересекли линию финиша, обессиленные грохнулись на траву и начали нас «честить», а когда мы появились, неторопливые и отдохнувшие, эти рекордсмены готовы были нас разорвать.

После «знаменитого» кросса. В центре: начальник курса полковник Озерский Н.П.

Но люди тогда были незлобивые, и потом мы несколько месяцев вспоминали этот «рекордный» забег и потешались друг над другом. Я умышленно употребил этот термин – «незлобивые». Это было на самом деле так. Даже больше, я бы сказал, что это была своего рода визитная карточка нашего времени. Доброта наших людей была по сегодняшним меркам просто фантастической. Для сравнения посмотрите, понаблюдайте за лицами пассажиров в метро, в пригородной электричке, и вы кроме хмурых, напряженных и озабоченных лиц вряд ли что увидите. При этом в качестве детонатора срабатывает любая, даже самая пустяковая деталь. Например, кто-то кому-то нечаянно наступил на ногу – тут же следует взрыв с непредсказуемыми последствиями. Народ в высшей степени озлоблен. Бесспорный и очень тревожный факт!..

Мы много читали, часто ходили в кино, посещали театры. Харьков того времени – это большой культурный и промышленный центр, в нем было несколько десятков высших учебных заведений, несколько театров, в том числе – Русский драматический театр, часто там гастролировали большие и известные эстрадные коллективы, например оркестры Олега Лундстрема, Эдди Рознера, и другие. У нас в академии был собственный сильный эстрадный ансамбль, который довольно часто выступал с большими концертами. Нас учили бальным танцам, при академии был ряд кружков художественной самодеятельности. В общем, жили мы разносторонней жизнью и получали всестороннее развитие, что, несомненно, помогло нам в будущем.

Два события тех лет мне особенно памяты. В 1955 году умерла мама. Это был удар страшной силы. Маму я очень любил. Она была очень больным человеком, и на ее долю

выпала крайне тяжелая жизнь, полная тревог и огорчений. Съездил на похороны. Они были весьма скромные, хотя ее многие знали и уважали. Маму отличала какая-то особая мудрость, способность быстро и очень глубоко разбираться в самых сложных жизненных коллизиях. Она многому меня научила. Я, часто сталкиваясь с какой-нибудь сложной проблемой и найдя правильное решение, с благодарностью вспоминаю ее науку и непременно удивляюсь, откуда и как она могла набрать такой большой жизненный капитал. Ведь прожила она всего сорок девять лет. Мне думается, что царство небесное должно было непременно для нее открыть ворота в рай.

Следующее событие в моей жизни сыграло особую роль. Я встретил ЕЕ. Но об этом потом, если будет возможность сохранить целостность изложения материала.

Итак, академия, высочайший уровень преподавания в ней явился следующим, после школы, базисом в моей, теперь уже профессиональной, подготовке. Вот уже много лет, как наша академия осталась за границей, на территории Украины, но ее имидж так же высок, как и в прежние годы. К сожалению, в прошлом году ушел из жизни Яков Давыдович Ширман выдающийся ученый в области радиолокации, который создал потрясающую научную школу в этой области и воспитал десятки, точнее сотни, докторов и кандидатов наук.

Армейские университеты

Далее мое образование проходило следующим образом. В 1959 году после окончания академии я был направлен для прохождения службы в Закавказье, в 27-й радиотехнический полк противовоздушной обороны.

Небольшое отступление. По окончании академии нам предоставлялся месячный отпуск, который я, естественно, собирался провести дома, в Тарасовке. Готовясь покинуть альма-матер, мы начали собирать свои нехитрые пожитки. Оказалось, что вещей набралось не так уж и мало, обмундирование выдавали в то время полностью все, что положено (повседневное для строя и выходное, полевое и прочее). Ребром встал вопрос, как всю эту кучу обмундирования транспортировать. После некоторых размышлений пошли на рынок выбирать «тару». Ходили долго, пока не наткнулись на кучу чемоданов, среди которых были совершенно удивительные экземпляры. Мне приглянулось одно чудовище (иначе не назовешь) из этой кучи, представляющее собой этакий шедевр деревянного зодчества. Это был чемодан гигантских размеров, сделанный из фанеры и обтянутый дерматином. Он имел две ручки и даже пустой весил довольно прилично. Но у него было одно неоспоримое преимущество: в его чрево уместилось абсолютно все мое хозяйство. Но вот поднять его одному человеку было практически невозможно. Ребята смеялись: тебе его можно оставлять на вокзале без присмотра, все равно никто не унесет. И это было близко к истине. Когда поезд пришел в Москву, меня встретил брат Саша. Осмотрев и попробовав поднять это чудовище, он сразу же позвал носильщика. Носильщик за чемодан взялся бодро... с трудом оторвал его от земли и почти волоком потащил по платформе. Буквально сделав несколько шагов, остановился и стал снимать ремень с брюк, на что Саня, не утерпев, отреагировал оригинальным образом: «Ты что, штаны собираешься снимать, чтоб легче нести было?» «Да нет, – серьезно ответил носильщик, – я привяжу ремень к чемодану, вы его поднимете и поможете мне положить на спину» (в то время у носильщиков не было тележек, и вещи они таскали на себе). Мы помогли ему поднять чемодан на спину, и он, несчастный, его понес. Смотреть на него было жалко. Мужичок, очевидно, был далеко не Жаботинский и к тому же наверняка поддающий, поскольку от натуги покраснел как рак, на что Саня опять же отреагировал должным образом: «Ты не помрешь случайно по дороге?» «Да нет, я здоровый», – прохрипел носильщик, явно выбиваясь из последних сил. Мы с трудом добрались до стоянки такси и, щедро расплатившись с обрадованным носильщиком (который, по-моему, был больше рад не нашей щедрости, а тому, что расстался наконец-то с этим монстром ремесленного искусства), поехали на Ярославский вокзал. До дома этот чертов чемодан мы весь оставшийся путь несли вдвоем. Кстати, примерно аналогичная история с носильщиком произошла на вокзале в Тбилиси, куда я приехал по завершении отпуска. Этот чемодан еще долго служил мне, выполняя не только функцию чемодана, но являясь одновременно и моим шкафом, в котором я хранил всю свою армейскую форму, белье и прочее. Путь его завершился в Тарасовке, куда удалось перебраться через много-много лет.

Итак, завершив отпуск, я оказался в городе Тбилиси, в штабе корпуса противовоздушной обороны, где должен был получить назначение в конкретную часть. После некоторых формальных бесед с руководством корпуса я получил направление, как уже говорил, в 27-й радиотехнический полк, располагавшийся в городе Батуми, куда и выехал в этот же день поездом. В этом месте хотелось бы приостановить дальнейший рассказ и поделиться некоторыми размышлениями и наблюдениями.

Я не случайно упомянул о проведенных формальных беседах с руководством корпуса. Это, действительно, были формальные беседы, скорее всего – для «галочки». С подобной практикой мне приходилось встречаться весьма часто и в будущем. Первая встреча впервые

прибывшего на службу в действующую армию офицера все же не должна была носить столь откровенно формального характера. Очень часто сегодня можно услышать упреки в адрес самых высоких руководителей страны о том, что последние годы армия разрушается, что теряются какие-то основополагающие принципы ее построения, и тому подобное. Мне представляется, что все эти процессы начались не сегодня, а значительно раньше. Размывание понятия «офицерский корпус» уже шло достаточно давно, задолго до моего прибытия в действующую часть. Прибыв в корпус, а затем в полк, я не ощутил того состояния, которое свидетельствовало бы о том, что оказался в тесной офицерской среде, где господствуют дружба, взаимовыручка, честь. Думается, основной вклад в размывание офицерского корпуса внесли политрабтники. Я всегда вспоминаю крылатую фразу одного из наших преподавателей академии, боевого летчика, участника Великой Отечественной войны, кавалера шести орденов Боевого Красного Знамени, который на занятиях частенько произносил такую фразу: «Самые глупые люди – это политрабтники». Во время войны, может быть, их влияние на все процессы было не столь велико, но когда закончилась война, они развернулись в полную силу. Вот тогда эта глупость стала фактически основным инструментом реализации государственной политики нашей страны. Отсюда и знаменитая кукуруза, и «Малая Земля», и перестройка, и последующие реформы. Не могло это не отразиться и на армии, на офицерском корпусе. Достаточно ярким примером служит расправа с величайшим полководцем всех времен Георгием Константиновичем Жуковым. Что тогда говорить о других? А эти «знаменитые» сокращения армии на миллион двести, затем на шестьсот тысяч человек? А какие офицеры попали под этот топор? Люди, прошедшие войну, грамотные специалисты, офицеры чести. Много было их и у нас в полку, и почти всех вырубил это бездумное сокращение. Причем людей выбрасывали на улицу, как бездомных собак. Не имея достаточной выслуги лет, они оказывались в отчаянном положении. Жены не могут найти работу, да и самих офицеров никто на работу не берет. Это же Грузия, надо понимать, но понимать никто не хотел! У каждого офицера двое-трое детей... Страшная картина, больно и грустно вспоминать об этом. Это было самое настоящее уничтожение офицерского корпуса как неформального объединения, выполняющего по духу функции элитной стабилизирующей структуры всего нашего общества.

Одним из направлений этого разрушительного процесса, воздействие которого я испытал на себе прибыв в часть, было формальное, если не сказать наплевательское, отношение к молодым офицерам, начинающим армейскую службу. Действительно, попробуйте оценить состояние молодого офицера, только что прибывшего в часть и побеседовавшего с командиром полка. Что ему говорят. С жильем помочь не можем, единственно чем располагаем, так это комнатой для приезжих из радиолокационных рот офицеров, в которой две кровати. Ни совета, ни рекомендаций, каким путем можно найти жилье и как устроиться человеку, который впервые в этом городе, совершенно не в курсе ситуации и порядков в нем, да и в полку тоже. Комната для приезжих представляла собой каморку площадью метров девять. Две кровати практически всегда были заняты командированными, так что, чуть задержишься, на твоей кровати уже кто-то спит. Где ночевать? Идешь в казарму на свободное место, хозяин которого в этот момент находится на дежурстве.

С этими ночевками в казарме, кстати, связан один очень интересный эпизод. По прошествии некоторого времени, когда я уже пообвыкся в полку, появились товарищи и друзья, в командировку в полк приехал один мой друг, старший лейтенант Кореньков Петр Петрович. Петр служил в радиолокационной роте недалеко от Батуми. Я у них познавал азы боевого дежурства. Там мы с ним познакомились и подружились.

Так вот, этот Петр Петрович, приехав в полк, не успел закончить в один день дела и решил заночевать. Поскольку места в нашей ночлежке были уже заняты, я ему предложил отправиться со мной в солдатскую казарму. Он согласился. Устроились рядом на солдатских

кроватях, лежим в полудреме и потихоньку разговариваем. Я лежу на боку, повернувшись лицом к Петру, а он – на спине, и на фоне окна мне отчетливо виден его профиль. Вдруг вижу, по одеялу Петра бежит мышь. Она шустро пробежала по его накрытому одеялом туловищу, прошмыгнула по лицу и куда-то соскочила. Петр онемел от ужаса. Немая пауза длилась секунды две-три, затем ночную тишину расколол рев Петра Петровича. Дико крича, он вскочил с кровати, начал плевать и нещадно материться. Вся казарма проснулась, я пытался его успокоить, но это только подливало масла в огонь. С великим трудом удалось Петра уговорить, но спать он отказался наотрез. Мы вышли на улицу, посидели, Петя успокоился, и мы пошли «добирать» остатки сна. Спустя сорок лет мы неожиданно встретились уже в Тарасовке. Оказалось, что он давно на пенсии, живет недалеко, в нашем же районе, в городе Пушкино, прочитал как-то в местной газете заметку про меня и нашел. Первое, о чем он меня спросил, а помню ли я, как в казарме по его лицу и губам пробежала мышь. Посмеялись. Эпизод, конечно, смешной, но и грустный одновременно. Прослужив более тридцати лет в нечеловеческих условиях, Петр уволился из армии в звании майора, здоровья нет, с женой в разводе, в душе пустота и страшная апатия. Таких вот веселых эпизодов с очень грустным окончанием в жизни было предостаточно.

Я продолжал осваивать армейскую службу. Это действительно была специфическая учеба в своеобразном «армейском университете». Специфичность учебы состояла в том, что теоретически по специальности, конечно, я подготовлен был весьма прилично. Достаточно сказать, что в полку я был единственный инженер с высшим образованием (если не считать заместителя командира полка по вооружению). Это, с одной стороны, давало несомненные плюсы: мне значительно проще было осваивать материальную часть. С другой стороны, были и несомненные минусы, правда, иного, морально-этического характера (типа «мы академики не кончали»). Порой бывало обидно, но это все же несмертельно. Тем более что у нас в службе вооружения были профессионалы высочайшего уровня, в большинстве своем – настоящие офицеры и исключительно порядочные люди. С особой теплотой и уважением я вспоминаю Валентина Ярмоловича. Он занимал должность инженера полка. Наблюдать, как он работает, было истинное наслаждение. На вооружении в полку в то время состояло более трех десятков радиолокационных станций самого различного типа и назначения. Надежностные характеристики их были не очень высокие, они часто ломались и выходили из строя. С утра до поздней ночи, а зачастую и ночью шли звонки из радиолокационных рот с просьбами о помощи. И эту помощь обеспечивал Валентин. Казалось, он знал наизусть все принципиальные схемы всех локаторов, поскольку, выслушав сообщение и задав несколько уточняющих вопросов, он однозначно, с некоторым налетом сарказма, говорил ждущему помощи, куда ему необходимо «залезть», какой элемент заменить и как проверить после этого работу станции. Буквально через минуты раздавался звонок, и радостный голос совсем недавно терпевшего бедствие докладывал, что все в порядке и радиолокатор снова введен боевой режим. Валентин пользовался всеобщей любовью и уважением. А если к этому еще добавить, что у него к тому времени была красавица жена и очаровательнейший шпаненок – сын Вовка, то можно представить, насколько эффектно смотрелась эта семья. Много десятков лет спустя мы с Валентином встретились вновь, и должен сказать, что, несмотря на прожитые непростые годы, он остался таким же обаятельным, добрым и очень симпатичным человеком. Слава Богу, что на земле есть такие люди!

Но обучение мое проходило не только по части ремонта и эксплуатации вооружения. Заниматься приходилось всем. Строить, доставать строительные материалы, месяцами ездить старшим машины. Принцип «салага есть салага» действовал во все времена и, наверное, действовать будет, по крайней мере в нашей армии, еще долго. В той связи весьма показателен один эпизод, который произошел со мной, когда я осваивал «искусство» старшего машины по доставке гравия из устья реки Чорох в расположение полка для строительства

погрузочно-разгрузочной площадки. Однажды, загрузившись гравием, мы возвращались в расположение полка. Отъехав недалеко, увидели впереди небольшую отару овец, которую гнал пастух. Стали потихоньку объезжать ее с левой стороны почти по обочине дороги. Едем осторожно и очень медленно, не более пяти километров в час. Как только машина поравнялась с отарой, пастух кнутом со всей силы бьет крайнюю овцу, и та от боли шарахается прямо под колеса нашей машины. Водитель мгновенно тормозит, машина останавливается практически сразу, но какой-то путь (не более тридцати – пятидесяти сантиметров) все же проходит. Этого оказывается достаточно, чтобы бампер машины слегка овцу задел. Овца падает. Пастух подбегает, берет ее на руки и начинает вопить истошным голосом. Откуда ни возьмись, как по волшебству, набегает толпа грузин, все горланят по-своему, машут руками и демонстрируют неподдельную агрессию. Понять ничего невозможно, пытаюсь как-то объяснить ситуацию и доказать нашу невиновность. Как оказалось позже, это было не доказательство невиновности, скорее, это была демонстрация моей наивности. И довольно скоро я это понял, так как очень быстро появился военный автоинспектор в звании капитана и все популярно мне объяснил, предварительно отобрав права у моего солдата-водителя. Оказывается, я попался на стандартной ситуации, которая специально организовывалась местными с нами, военными. Пастух бил изо всей силы овцу, та попадала под колеса автомобиля, и вот вам: налицо в чистом виде бесчинство по отношению к местным жителям – одно из самых тяжчайших преступлений в то время в нашей стране, пропитанной дружбой народов. Просветив меня, капитан на прощание сказал: «Попробуй с ними договориться, иначе мы лишим прав водителя». С тем и убыл. Пошел я договариваться с аборигенами. Говорю: «Ну, что вы хотите?» «Заплатите за овцу», – говорят. «Сколько?» – спрашиваю. «Восемьсот рублей», – говорят. «Да вы что, корова дешевле стоит!» Договорились на пятьсот, хорошо, что в этот день у меня как раз была получка и деньги были со мной. Как только я расплатился, толпа мгновенно исчезла. Приехали в комендатуру, капитан смеется: «Уладил?» Отвечаю: «Уладил». «За сколько?» – спрашивает. «Пятьсот», – отвечаю. «Дороговато, – говорит, – но все равно молодец, а то бы шуму было много». Вернул права водителю, тот потом благодарил меня здорово. Он ведь был водитель второго класса и через месяц уже увольнялся из армии. Лишение водительских прав грозило ему большими сложностями с трудоустройством на гражданке. В части надо мной офицеры подтрунивали, наверное, недели полторы. Каждый обязательно интересовался, сколько заплатил, где баран и когда шашлыки будем жарить. Узнав, что барана я не взял, картинно вздыхая, сетовали, что нужно было бы барана забрать.

Весьма интересные встречи у меня были со сверхсрочниками. В то время практически все должности сверхсрочников занимали старшины, участники Великой Отечественной войны. Это было очень интересное и весьма специфическое братство. Приезжая на сборы в полк, они обязательно приносили какую-нибудь оригинальную и нестандартную струю. Весьма показательным был один розыгрыш, который они провели, на мой взгляд, просто блистательно. Среди сверхсрочников был старший сержант – заведующий солдатской столовой, изрядный жмот, нечистый на руку. А надо отдать должное, что старшины рот были по-настоящему заботливыми отцами солдат и в первую голову заботились о том, чтобы солдат был накормлен и обихожен. Вот почему они терпеть не могли этого нечистоплотного жмота. А у того была голубая мечта – получить звание старшины и как бы сравняться со всеми сверхсрочниками. Однажды, прибыв на сборы, эти маститые старшины уговорили своего сотоварища в штабе и с его помощью создали «липовый» приказ командира полка о присвоении заведующему солдатской столовой звания «старшина». Приходят к нему и говорят: «Ты чего же зажимаешь обмывку, звание получил и молчишь?» Тот перепугался и спрашивает: «Какое звание?!» А они ему – приказ под нос: мол, читай. У того от радости дух перехватило, когда он увидел приказ с подписью и печатью. Устроил он, конечно, грандиозную попойку, а на следующий день в погонах старшины явился на службу и попался на глаза

командиру полка. Тот опешил: «Ты чего вырядился, почему нарушаешь форму одежды?» Зав. столовой растерялся и заикающимся голосом прошептал: «Как, товарищ полковник, нарушаю, вы ведь сами мне звание присвоили!» Командир сразу понял, чьих рук эта проделка. Приказал этому незадачливому карьеристу сменить погоны на прежние, вызвал всю ту компанию старшин и отругал основательно. Наказывать не стал, понимая, что проделка эта не со зла, а в воспитательных целях. Кстати, уж коль речь зашла об этом горе-руководителе столовой, вспоминается еще одна примечательная история. Зав. столовой завел поросенка, благо отходов в столовой много. А в Грузии весьма оригинально выращивают свиней, их просто выпускают со двора на волю, и они сами бегают и добывают себе корм. И этот деятель поступил так же, выпустив своего поросенка на волю. К этому времени в нашем офицерском городке образовалась целая стая из бездомных собак, которые с утра до поздней ночи носились с диким лаем по территории городка. Так вот, как-то так случилось, что вожаком собачьей стаи стал этот самый поросенок, и начали твориться жуткие вещи. Вечером пройти безопасно к дому было практически невозможно. Как только человек приближался к домам, вся эта орава, ведомая поросенком, бросалась на него с диким лаем. Освещение в городке было слабое, и в темноте было трудно понять, что это за орава и каковы ее намерения. А намерения были самые агрессивные, и, что самое удивительное, именно со стороны поросенка. Если собаки только лаяли во все горло, то поросенок, тихо похрюкивая, просто рвал офицерские брюки клыками. Многие защитники отечества пострадали от этого мерзавца. И когда их число превысило разумные пределы, они вынуждены были обратиться к командиру полка, чтобы он приказал этому горе-хозяину ликвидировать «специалиста по офицерским штанам», что и было незамедлительно сделано. Правда, тишина в городке после этого не наступила, но брюки офицеров стали носиться дольше.

А вообще жизнь в 27-м радиотехническом полку Войск противовоздушной обороны была суровой и далеко не сладкой. Полк нес круглосуточное дежурство, непрерывно контролируя воздушное пространство на южной границе СССР. В последние годы идеологи реформирования (или развала, кому что нравится) Союза или России с завидным упорством вбивают в сознание наших граждан тезис об агрессивной сущности бывшей советской власти. Мне думается, что те, кто хоть раз побывал бы в нашем полку, никогда не согласился бы с подобными утверждениями. Буквально несколько иллюстраций. По полку ежедневно, в том числе и ночью, по несколько раз объявлялась готовность номер один. Что это такое? Усиленный боевой расчет (десятки офицеров, сержантов и солдат) бросали все и в полной выкладке мчались на командные пункты, радиолокационные станции, в воздух поднимались боевые истребители-перехватчики. Чем это было вызвано? А тем, что объявление готовности номер один было связано с угрозой непосредственного вторжения в наше воздушное пространство американских самолетов (либо разведчиков, либо боевых). Типичная картина того времени, наблюдаемая на командном пункте полка, была такова. Одиночный иностранный самолет или группа самолетов, как правило американских, приближаются к границе Советского Союза. Подойдя вплотную к границе территориальных вод, разворачиваются и улетают обратно. При этом все войска региона и командные пункты в Москве (информация сразу же передавалась по линиям связи на все пункты) находились в напряжении. Практически на каждом военном аэродроме Закавказья несколько экипажей держались в готовности номер один. Это значило, что летчик сидит в кабине самолета и готов к немедленному вылету. Разве это была наша прихоть или наша инициатива? При этом надо помнить, в каких условиях жили офицеры и их семьи, особенно – офицеры радиотехнических войск. Мизерные оклады, низкие категории по воинским званиям, убогие жилищные условия. Оклад техника радиолокационной станции был 750 рублей в месяц (в 1960-м году – *Прим. ред.*), за воинское звание платили 400 рублей и, если была выслуга небольшая, добавлялось еще процентов 10–15. А у этого бедолаги – жена, которая не работает, и ребенок малолетний, а кар-

тошка стоила 6 рублей килограмм. Проживи тут! Несмотря на эти невзгоды абсолютное большинство офицеров нашего полка трудились и служили преданно и исключительно добросовестно исполняли свой воинский долг. И это не просто пафосные слова, это правда. Так оно было на самом деле, и я с чистой совестью свидетельствую это. И сегодня, когда видишь и слышишь, как некоторые недозрелые отморозки (иначе их не назовешь) глумятся над нашим прошлым, становится невыносимо больно за тех ребят, их жен и детей, которые лучшие годы своей жизни, здоровье отдали служению Отечеству и которых за это же теперь валяют в дерьме. Позор!

А жернова армейской «мельницы» крутилась на полные обороты. Особенно доставалось службе вооружения. Радиолокаторы и радиостанции работали круглосуточно и, естественно, часто выходили из строя. Необходимо было восстанавливать их работоспособность в кратчайшие сроки. Поэтому все офицеры нашей службы большую часть времени проводили в командировках в радиолокационных ротах. Я как-то подсчитал, что в 1960 году мне пришлось в командировках пробывать в общей сложности около девяти месяцев.

Было бы неправильно утверждать, что мы «пахали» днем и ночью без сна и отдыха. Были, конечно, выходные и праздничные дни. Одна интересная деталь. Со времени службы в полку я до сих пор не люблю праздники и выходные дни. В полку нас было всего два холостяка, и на все (без исключения) праздники и выходные дни дежурство по полку несли, сменяя друг друга, или я, или мой друг Александр. С тех пор у меня сложился комплекс: гораздо лучше работать в регулярном ритме, делать дело по специальности, чем пребывать в шкуре дежурного, ожидая каждую минуту какого-нибудь ЧП или еще чего-то подобного. А если к этому еще добавить多月месячные дежурства в радиолокационных ротах, куда меня регулярно отправляли, очевидно, для «трудового воспитания», то станет ясно, откуда этот самый комплекс произрастает.

Тем не менее мы успевали посещать культмассовые мероприятия (так раньше называлась основная форма организованного досуга офицеров). Центром таких мероприятий был батумский Дом офицеров. Это, наверное, было единственное учреждение в городе, которое притягивало к себе как офицеров, так и местных жителей. Последних туда как магнитом тянуло. И это понятно, там всегда было много русских девушек, с которыми местным можно было общаться, «крутить» любовь и так далее, поскольку со своими аджарками у них все было очень строго. Как говорится, это отдельная песня, которую когда-нибудь споют, не фальшивя, политики и идеологи в области межнациональных отношений. Скажу только одно, русским в Грузии жилось очень несладко и неудобно. Думается, что и сейчас там не лучше, особенно после развала Союза. Дай Бог, если ошибаюсь.

Мы с Александром в редкие свободные вечера также посещали Дом офицеров, в основном ходили в кино и на танцы. Он был более свободен по вечерам, так как в отличие от меня практически не ездил в командировки. Вот поэтому ему и повезло: встретил на танцах в батумском Доме офицеров свою будущую жену Валентину. Эта встреча закончилась свадьбой, которую я, конечно же, из-за очередной командировки пропустил. Приехав в Батуми, поздравил его и Валентину, посидели у них дома, повспоминали нашу холостяцкую жизнь, посмеялись, они поделились своими проблемами. А проблемы существовали довольно серьезные. Валентина была русской, родом из Батуми, но местные жители очень ревностно относились к таким бракам. Посыпались угрозы, и серьезные настолько, что Сашка вынужден был с разрешения командования ходить домой в город вооруженным пистолетом ТТ.

Мне так крупно, как Сашке, «не повезло». Конечно, были девушки, которым я нравился и которые мне нравились, но что-то меня все время останавливало. Какая-то неведомая, необъяснимая сила руководила мной. Помню, была среди моих знакомых девушка Ира, яркая блондинка, скромная, хорошо воспитанная строгими родителями. Отец – полковник,

заместитель командира горнострелковой дивизии. Она мне нравилась, но без того трепета и очарования, которые я испытывал к ТОЙ, и это меня останавливало. Приезжая в отпуск, как правило, зимой (удел всех молодых офицеров того времени), я иногда встречал на платформе станции Тарасовская ЕЕ. По-моему мы даже не здоровались, поскольку она бывала не одна, а я очень стеснялся, но сердце у меня каждый раз предательски екало. Меня это злило, я боялся признаться себе, что ничего не прошло и ничего не забыто. Отпуск заканчивался, я возвращался в часть, сумасшедшая работа засасывала в каком-то гигантском водовороте, и уже было некогда вспоминать об этом.

Действительно, отчего же возникает то удивительное состояние, в которое ты неожиданно попадаешь, и память все время возвращает тебя к той встрече? Многие годы, и особенно в последнее время, я пытался найти более или менее логическое объяснение этому явлению, но так и не смог найти разгадку. Ну встретил девушку, и что? Девушек кругом вроде много, но тебя манит именно эта, именно она не дает тебе покоя, лишает сна. Ты теряешь голову, мучаешься, начинаешь постоянно сравнивать с ней остальных. Никакого сравнения! Все в ее пользу. Что же это такое?

Гипноз? Смею предложить гипотезу, которая, хоть как-то позволяет «связать» все звенья в одну цепь. Я так думаю: у каждого человека есть некий внутренний нравственный потенциал, который формируется всю его жизнь. И вот в какой-то момент, когда встречаются два человека противоположного пола, у которых близкие нравственные потенциалы, между ними возникает состояние взаимной привязанности и гармония, хотя бы они этого или нет. И если эти два человека решат соединить свою судьбу, у них обязательно возникнет взаимная гармония. Вполне естествен вопрос, почему же тогда зачастую распадаются союзы людей, потенциалы которых, казалось бы, в момент заключения брака были согласованы. Очевидно, что нравственный потенциал – величина непостоянная, и, чтобы долго и согласно жить, супруги должны всю совместную жизнь проявлять заботу о том, чтобы равенство потенциалов сохранялось всегда. И это должно быть заботой обоих супругов. Посмотрите внимательно вокруг, и вы обнаружите, что там, где начинается перекося в поведении одного из супругов (он один идет в кино, на футбол, не хочет помогать по дому, не занимается с детьми и т. п.), возникает конфликтная ситуация. Это значит, что произошло рассогласование и нарушилось равенство потенциалов. Тогда ждите беды. Безусловно, когда я говорю о потенциалах, я имею в виду весьма сложное явление, которое характеризуется целой гаммой сущностного содержания человека, как очень сложного биологического и социально-психологического объекта. Мне представляется, чтобы семья была крепкая, оба супруга (именно оба) всю свою совместную жизнь, если они хотят долго и счастливо жить, должны согласованно наращивать свои потенциалы. Недаром говорят, что жизнь – это дорога с двусторонним движением. При этом важно понять, что в процессе жизни, с возрастом, несомненно, претерпевают изменения взгляды на те или иные явления, меняются приоритеты. И это диалектически естественно. Если на ранних этапах совместной жизни преобладают чувственные элементы, эмоциональные составляющие, то в зрелом возрасте наряду с некоторым снижением последних начинают большую роль играть ответственность друг перед другом, забота друг о друге. Если оба супруга это понимают, то потенциалы их не деградируют и не теряют силу взаимного притяжения. Вот такие размышления приходят в обоснование того непонятного когда-то явления трепета и очарования, которое неосознанно возникает в молодые годы и при счастливом совпадении потенциалов еще и переходит в счастливую семейную жизнь. Скорее всего, получилась некая теоретическая модель, подобие которой, как я считаю, мы доказали с Людмилой, прожив счастливо много десятков лет. Так что, если есть желание, можете воспользоваться!

Начало

Мое «полковое академическое обучение» завершилось весьма неожиданно.

Как это все началось? До обидного весьма просто. Я продолжал совершенствовать свое образование в «армейских университетах», и если быть объективным, то успехи были налицо. Все шло вроде бы неплохо до тех пор, пока в этот процесс не вмешались верховные (а может быть, высшие) силы. Нежданно-негаданно пришла директива Главнокомандующего Войсками противовоздушной обороны страны о срочном откомандировании меня в распоряжение командира войсковой части 03080.

Вот уж поистине, неисповедимы пути Господни, куда они ведут, не знает никто. Времени на сборы – сутки, куда двигаться и что это за войсковая часть 03080 – ни у кого никакого понятия. Единственная зацепка – добираться до нового места службы необходимо через Москву. Это радовало, поскольку появлялся шанс заехать домой, в Тарасовку, и повидаться с родными и друзьями.

Запомнилось короткое прощание с моим, уже ставшим родным, армейским коллективом, друзьями, посадка в поезд Батуми – Москва и двое суток размышлений о смысле жизни и крутом повороте в моей судьбе, который так неожиданно случился.

Пропускаю те мытарства, которые пришлось преодолеть в столице, закончившиеся в вагоне поезда Москва – Караганда, мчащемся на Восток нашей необъятной Родины. Нашим конечным пунктом была далеко не Караганда. Просто к этому поезду прицепляли прямой вагон, пунктом назначения которого была станция Сары-Шаган. Этот вагон в Караганде перецепляли к поезду Свердловск – Алма-Ата и отцепляли в Сары-Шагане по прибытии туда.

Не буду описывать путешествие в перецеплявшемся вагоне – это отдельная «панама». Только один штрих. В вагоне, как вполне понятно, абсолютно весь контингент состоял из офицеров и членов их семей, возвращавшихся из отпусков или из командировок. Меня, естественно, интересовало, куда же мы едем и что это за такая закрытая войсковая часть. Один офицер-летчик, отвечая на мои расспросы, рассказал такую притчу: «В свое время Петр I отправил в эти края своих послов, чтобы они провели их обследование. По возвращении послы доложили императору, что сей край для жизни непригоден». В течение долгих последующих пяти лет я многократно убеждался, что послы Петра I были весьма добросовестные люди.

Станция Сары-Шаган – маленький полустанок, затерявшийся в центре огромной каменной казахской степи, вернее, пустыни Бекпак-Дала. Поезд приходил на эту станцию глубокой ночью. Как позднее удалось выяснить, это было связано с необходимостью скрывать от супостатов дислокацию этой самой войсковой части 03080. Вообще отношение с так называемым режимом, забегая вперед, хочу сказать, у всех жителей и сотрудников полигона было весьма непростым.

В это самое время произошло выдающееся событие – впервые в мире человек полетел в космос. Таким образом, полет Юрия Гагарина я встретил на полигоне. Вся страна бурлила, люди на полигоне также были возбуждены, хотя сами решали не менее сложные и важные задачи, но о них не было ни публикаций, ни громких заявлений. Позже Н.С. Хрущев сделает заявление о том, что наша страна может попасть в муху в космосе, но не были названы и даже обозначены люди и организации, решившие эту сложнейшую научно-техническую задачу. Закрытость ведущихся на 10-м полигоне работ была абсолютной. Я очень много думал о том, насколько это было правильно и обоснованно. Мне представляется, что, даже по прошествии стольких лет сложно дать корректную оценку тотальной закрытости работ тех лет. Чаша весов все же склоняется в сторону того, что это было обоснованно. Американцы, при всей

видимой их демократичности, до сих пор жесточайшим образом засекречивают важнейшие работы, связанные с государственной безопасностью Соединенных Штатов, несмотря на то, что мы, как их главный оппонент, раскрылись сейчас донельзя.

Итак, прибытие прошло вполне нормально. Удалось найти многих однокашников, которые после выпуска из академии были направлены для дальнейшего прохождения службы в войсковую часть 03080. Меня приняли как родного, нашли место в пятой гостинице. Я занял кровать Феликса Андреева, который в это время находился в командировке в Москве. В комнате нас было трое. Кроме меня в ней жили Володя Закорюкин (будущий генерал) и Федя Евстратов (будущий главный конструктор). Ребята меня просветили по полной программе. Оказалось, что войсковая часть 03080 – сверхзасекреченный полигон, на котором проводятся испытания макетного образца первой отечественной системы противоракетной обороны – так называемой системы «А», и что полигон занимает огромную территорию. Воинские части полигона разбросаны на сотни километров, и условия жизни там очень суровые, так что лучше туда не попадать.

Один из объектов полигона

Как говорится, если не везет, то это надолго. Придя в отдел кадров и доложив о своем прибытии, довелось в очередной раз удивиться. Оказывается, меня никто здесь не ждал, и мое трудоустройство – это не что иное, как головная боль для кадровиков. Представляете мое состояние! В «режиме ошпаренной кошки» меня отчислили из части, несущей боевое дежурство и испытывающей дефицит подготовленных кадров (напомню, я был единственным специалистом в полку с высшим образованием), и приказали мчаться за тридевять земель, а тут я вообще никому не нужен. Возмущению моему не было предела. Когда мне объяснили причину произошедшего, все встало на свои места. Оказывается, все было до гениальности просто. На полигоне проходила испытания очень важная и необходимая стране система «Даль». Испытания шли очень трудно, положительный результат получить никак не удавалось. В очередной приезд высокой комиссии из Москвы при разборе хода работ на данной системе одной из причин неудач была названа нехватка офицеров-испытателей. Незамедлительно последовала команда собрать в частях ПВО необходимое количество подготовленных офицеров. Вот таким образом в этот невод попал и я. Позже оказалось, что причина была совсем в другом, и мое появление ни на что не могло повлиять и посему никому не было нужно. Вот почему сидевший напротив меня офицер-кадровик с усталым лицом, преодолевая собственные сомнения, пытался заставить себя решить мою судьбу, пре-

красно осознавая, что ни его, ни моей вины в создавшейся проблеме нет. Ему надо решать, и он решает направить меня на Первую площадку, на которой проходит испытания совсем другая система, не имеющая ничего общего с «Далью».

Получив предписание явиться в войсковую часть 28117, я поплелся в гостиницу попроситься и получить какие-нибудь советы от своих друзей-однокашников. Они мне рассказали, как можно добраться до Первой площадки, на которой дислоцировалась теперь уже моя войсковая часть. Это оказалось не так просто. Располагалась она в ста пятидесяти километрах от того места, где мы находились, и добраться туда можно только на автобусе АП-4, который ходил три раза в неделю. Как раз завтра был такой рейс. Сборы были недолги, как говорится, все свое носил с собой.

Ровно в четырнадцать часов с двумя чемоданами я был на остановке автобуса, где присоединился к полутора десяткам человек, которые, как оказалось, тоже были пассажирами этого маршрута. Тут были офицеры, несколько солдат и две женщины. Разместились все, и старший автобуса дал водителю команду трогаться.

Настроение у меня было препаршивое, я понимал, что центр полигона был ближе к аду, чем к раю (даже при наличии огромного озера), а что же иное могло ожидать на Первой площадке в центре этой безжизненной и каменистой пустыни? Спустя много лет я могу наверняка сказать, что мои сомнения и догадки были детскими фантазиями по сравнению с той действительностью, с какой приходилось сталкиваться на протяжении последующих пяти долгих лет.

Все это станет ясно потом, а пока нас трясло в обычном выдавшем виды автобусе марки АП-4 зеленого цвета, который жестко подпрыгивал на каждой кочке. Рядом со мной сидел маленького роста старший лейтенант, как говорит мой лучший друг и внук Тема, «нереально рыжий».

Как водится, в долгой дороге делать нечего, поневоле надо разговаривать, коротая время. Слово за слово, мы разговорились с «рыжим» моим соседом. Оказалось, он, так же как и я, попал под ту же директиву и прибыл на Первую площадку две недели назад. Правда, прибыл он с женой и сыном, хотя по суровым местным законам это не поощрялось, поскольку требовался специальный допуск и на членов семьи, но он как-то обошел это препятствие (детали он не раскрыл, да мне это было и не важно – я был холостяком).

За долгие три с лишним часа утомительного путешествия Вячеслав, так звали моего рыжего попутчика, рассказал очень много интересного о моей будущей службе. Очень подробно описал командира части подполковника Александра Павловича Дружкова. Получалось, что будущий командир – весьма сложная натура, служить с ним, похоже, будет непросто. В заключение Вячеслав произнес фразу, которую я потом часто вспоминал: «Сам скоро увидишь. Да вот он нас лично и встречает», – показал он на приближавшегося к автобусу подполковника в полевой форме. К этому моменту автобус уже въехал в расположение части.

Выйдя из автобуса, пытаясь придать затекшим от трехчасового сидения ногам некое подобие строевого шага, я подошел к подполковнику, приложил руку к фуражке и доложил, как положено по форме: «Товарищ подполковник, старший лейтенант Гаврилин для дальнейшего прохождения службы прибыл». Подполковник, едва взглянув на меня, пробурчал: «Хорошо, потом поговорим. Идите, устраивайтесь». Куда идти, как устраиваться – ни звука. Хорошо, что мой рыжий попутчик не исчез. Он меня быстренько сводил в штаб, к заместителю по тылу, в общем, помог оформиться без лишней бюрократии, показал место в гостинице.

Первая ночь была очень беспокойной. Новое место, ворох эмоций. И это на фоне множества рассказов, которые пришлось выслушать за последние дни о скорпионах, каракуртах, фалангах и прочей нечисти, которой, как все говорили, с избытком кишит вся местность.

Ну, это еще не начало моей новой службы в далекой казахской пустыне. Утром – обязательное построение всего личного состава части. Командир обходит все подразделения и, увидев меня, говорит: «Зайдите, представьтесь как положено». Что такое «представьтесь как положено», я не понимал. Для меня понятие «как положено» – это представляться по Уставу, что я и сделал в день моего прибытия в часть. Решив для себя эту теоретическую задачу и находясь в препаршивом (действительно, свинство, с которым пришлось столкнуться в последнее время, вывело меня из душевного равновесия) расположении духа, я никуда не пошел.

Однако подполковник был командир настоящий и на следующий день на утреннем построении объявил мне выговор и повторил ту же фразу насчет представления. Но я был довольно опытный офицер, имеющий войсковой опыт, и опять никуда не пошел. На следующий день вся процедура повторилась с точностью до буквы.

И так происходило шесть дней. За эти шесть дней – шесть взысканий. Мне ребята (а как оказалось, я некоторых из офицеров знал раньше) говорят: «Сходи на прием к командиру. Он мужик ничего!» Внял советам, пришел к командиру в штаб. Он мне говорит: «Вы почему такой недисциплинированный?» «Никак нет, – говорю. – За восемь лет ни одного взыскания». «Ладно, – подводит итог командир, – считаем, что это недоразумение и никаких взысканий у тебя не было и нет. Служи».

Мне недолго пришлось служить с Александром Павловичем, но через много лет мы с ним встретились снова. Я уже работал в 4-м Главном управлении Министерства обороны, а он – в Главном штабе Войск ПВО страны. Мы много совместно работали, но ни разу он не вспомнил о той нашей встрече, а я ни разу ему не напомнил. Мужик он оказался настоящий. Не всегда первое впечатление правильное.

Вот таким было мое начало службы и работы на 10-м Государственном научном исследовательском испытательном полигоне Министерства обороны. Каким будет продолжение службы, с вашего позволения, – в следующих зарисовках.

Первые шаги

Что и говорить, первые шаги всегда трудны. Эта аксиома сопровождает человека с младенческих лет. Годовалый человечек первый раз в жизни поднялся, встал на ноги и сразу понял, как это непросто – стоять на собственных ногах. В подтверждение этого тут же следуют падение и рев малыша от боли и обиды. И такой метод познания сопровождает человека всю жизнь. Чтобы встать на ноги, нужно много чего преодолеть, а чтобы удержаться на ногах, нужны еще большие усилия. Видимо, это действительно диалектика жизни.

Мои первые шаги на полигоне оказались весьма непростыми. Переезд из субтропиков в безжизненную пустыню создает, по определению, предпосылки для стресса. Не меньший стресс – вхождение в совершенно новый коллектив, причем коллектив испытателей, который уже сложился и достиг потрясающих результатов, решая уникальной сложности задачи. Но вот это обстоятельство, как ни странно, сыграло положительную роль в моей дальнейшей жизни.

Привыкал я к новой службе и работе довольно тяжело. Мне вообще всегда было как-то трудно сходить с людьми, видимо, это особенность моего характера. В этой войсковой части период привыкания оказался существенно короче в связи с тем, что абсолютное большинство офицеров были моими ровесниками (с некоторыми из них мы встречались в Горьковском радиотехническом училище, когда проходили производственную практику на последнем курсе академии, а они – училища). Работать приходилось на суперсовременной технике, которая участвует в интереснейших испытаниях. Все это создавало особый микроклимат в офицерской среде, который резко отличался от климата, который был у нас в полку. Кроме того, на площадке (так для удобства мы называли нашу войсковую часть. Кстати, это общепринятое название для всех полигонов) всегда было много представителей разработчиков техники, заводов-изготовителей, которые создавали особый колорит и в огромной степени влияли на армейскую среду, облагораживая ее. В свободные от испытаний дни мы вместе с работниками промышленности выезжали на берег озера Балхаш и устраивали состязания по водному поло, купались и загорали. Меня донимала жара, я ее плохо переношу, а до берега озера было порядка девяноста километров, и ехать надо по степи, по бездорожью. Это, я вам скажу, удовольствие – ниже среднего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.